

УДК 94:316.473=112.2:316.647.8=411.16"192/193"

В.П. Пичуков

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

**СОЦИАЛЬНЫЙ ОБРАЗ ЕВРЕЯ В СРЕДЕ СЕЛЬСКИХ НЕМЦЕВ БССР
МЕЖВОЕННОГО ПЕРИОДА**

В 1920 – 1930-е гг. большинство сельских немцев БССР компактно проживало в Мозырском Полесье. В статье освещаются факторы формирования социального стереотипа еврея в глазах

местного немецкого крестьянина. Акцентируется этническая персонификация конкретных насильственных мероприятий советской власти в немецкой среде.

В национально-смешанной среде характер межнациональных отношений является значимым социально-политическим фактором. В этом плане весьма показателен регион Мозырского Полесья, где в 1920-30-е гг. «сосуществовало» еврейское и немецкое население. По данным на 1925 г. в Наровлянском районе проживали 1541 еврей и 2017 немцев. В 1931 г. из 44109 чел. населения района евреи насчитывали 1700, немцы – 2464 чел. По информации на 1932 г. при сохранении этих же показателей общего количества населения и численности еврейского населения число местных немцев составляет 3104 чел. [1, Ф. 4286. - Оп. 1а. - Д. 5. - Л. 198; Д. 161. - Л. 11; 2, Ф. 701. - Оп. 1. - Д. 102. - Л. 15].

Однако, констатируя соотносимость количества населения этих национальностей в пределах района, отметим особенность их локализации, влиявшую на частоту повседневных контактов. По переписи 1926 г. в сельской местности отмеченного района проживал 241 еврей и 1934 немца. При этом в местечке Наровля – 1357 евреев (из всего числа населения в 2513 чел.) и 6 немцев [3, с. 220]. Т.е., евреи устойчиво и компактно проживали в основном в местечке и дисперсно (рассредоточено) – в сельской местности. Немцы, наоборот, жили в сельских поселениях – колониях (Березовка, Антоновка, Осиповка, Майдан, Красиловка). В 1925 г. в Березовском национальном немецком сельсовете насчитывалось 1194 немца и 8 евреев. Аналогичная картина наблюдалась и в другом наиболее крупном анклаве местных немцев – Анзельмовском (Роза Люксембургском) сельсовете Ельского (Каролинского) района. Официальная статистика фиксирует здесь в 1925 г. 279 немцев при отсутствии еврейского населения [4, с. LVIII, LXVI]. Таким образом, можно предположить, что в обыденной жизни, имевшиеся этнические стереотипы этих групп населения в отношении друг друга, корректировались не их устойчивым массовым общением, а общим вектором трансформации социокультурной жизни социума.

Проживание в одном регионе неизбежно вызывало контакты в хозяйственной сфере. Еще в период «военного коммунизма» местные евреи и немцы испытали на себе экономическое насилие власти. Так, в списке «Лесопромышленников, спекулянтов и торговцев» Дерновичской волости, на которых было «возложено» выполнение чрезвычайного государственного налога в апреле 1919 г., в числе 22 человек значатся 16 евреев и 1 немец. Данная диспропорция в значительной степени объясняется тем обстоятельством, что немецкая община еще не восстановилась как количественно, так и хозяйственно после депортации местных немцев царской властью в 1915 г. В аналогичном списке, утвержденном в октябре 1919 г., в числе 8 человек значатся 3 немца и 1 еврей [5, Ф. 865. - Оп. 1. - Д. 2. - Л. 12-13; Д. 1. - Л. 46-46об.].

Принципиальное отличие имело проведение коллективизации в среде еврейского и немецкого населения. Еще в начале 20-х гг. землеустройство евреев, наделение их землей, решение социально-экономической проблемы местечка изначально связывалось с коллективными формами хозяйствования. До конца 20-х гг. еврейские национальные

коллективных хозяйств БССР.

Обозначая экономическую стабилизацию еврейских колхозов в Мозырском округе на 1927 г., местная власть во многом связывала этот процесс с развитием молочного животноводства. При этом отмечалось, что скот закупается в соседней украинской Волыни и в немецких колониях округа [1, Ф. 69. - Оп. 1. - Д. 258. - Л. 130-130об.]. К этому добавим, что немецкая община Белорусского Полесья явилась результатом миграции немецких крестьянколонистов с Волыни в начале XX в., а немецкие хозяйства традиционно были ориентированы на молочное животноводство. Немецкие крестьяне являлись наиболее стойкими и последовательными противниками насильственной коллективизации. Начало более-менее массового создания колхозов в их среде относится к 1934 г. и связано с политическими репрессиями, голодом 1933-1934 гг. [6].

Вышеизложенные обстоятельства в какой-то степени объясняют следующий факт. В отчете Анзельмовского национального немецкого сельсовета в ЦИК БССР, датированном 14 декабря 1929 г., отмечается: «Маюцца моманты антысэмітызму і нацыяналізму з боку нямецкай часткі насельніцтва, напрыклад: «Жыды выдумалі каляктывы» і інш.» [2, Ф. 701. - Оп. 1. - Д. 92. - Л. 67]. На наш взгляд, здесь явное «передергивание» ситуации, смещение властью акцента из социальной в этническую плоскость. Отмеченная характеристика имеет не этническую, а социальную направленность. Термин «жиды» здесь - не обобщение еврейской этничности, а - олицетворение власти в лице ее непосредственных представителей еврейской национальности, в том числе проводивших коллективизацию.

О реальном характере совместного еврейско-немецкого «колхозного строительства» свидетельствует сюжет с сельскохозяйственной артелью «Путь революции» в Анзельмовском сельсовете. Ее организацию в марте 1931 г. инициировали 8 человек, в том числе: 1 немец – секретарь сельсовета и 3 еврея (2 служащих и 1 рабочий), остальные – бедняки. Имея на всех из имущества несколько десятин земли и несколько коров (у евреев - организаторов артели имущества вообще не было), «новоявленные колхозники» просили районное руководство «выдзяліць зямельны масыў калгасу ў колькасці: 50 гэктараў пахаці, 30 га сенажаці, папасу [выпасу? – В.П.] – 75 га, усяго – 155 га». Проверившая Ельский район в октябре этого же 1931 г. бригада партийно-советских работников высшего звена из Минска информировала, что колхоз состоит из 23 хозяйств (14 украинских, 6 белорусских, 1 польское, 1 еврейское и 1 немецкое). Причем немецкое хозяйство принадлежало секретарю сельсовета, «які ўвёў у калгас не сябе, а толькі гаспадарку». Как видим, на данном этапе не отмечается увеличения в колхозе ни еврейского, ни немецкого населения. В сентябре 1934 г. в колхозе из 48 хозяйств было 7 немецких [7, Ф. 72. - Оп. 1. - Д. 298. - Л. 1-2, 4; 2, Ф. 6. - Оп. 1. - Д. 2932. - Л. 55; 1, Ф. 3465. - Оп. 2а. - Д. 304. Л. 38].

Гармонизации еврейско-немецких отношений не способствовало несоответствие характера советизации населения этих национальностей, по крайней мере, в рассматриваемом регионе. Ярво выражено различались общественная активность, темпы формирования партийно-советской управленческой элиты. В представленной таблице наглядна разница в динамике членства евреев и немцев в парторганизации Наровлянского района:

Члены ВКП(б) / Годы	1927 г.	1929 г.	1930 г.
Евреи	22	30	39
Немцы	1	-	-
Общее количество членов парторганизации	71	96	130

[1, Ф. 4286. - Оп. 1а. - Д. 263. - Л. 10; Д. 127. - Л. 34].

В комсомольской организации этого же района в 1931 г. состояло 111 евреев и 5 немцев [1, Ф. 4286. - Оп. 1а. - Д. 127. - Л. 35].

123

В кампании по перевыборам сельсоветов Наровлянского района в 1930 г. приняло участие 67% от всего числа избирателей. При этом, как отмечал инструктор Нацкомиссии ЦИК БССР, «из нацменьшинств самое высокое участие на перевыборах имело еврейское население – 82% и самое низкое немцы – 51%» [2, Ф. 701. - Оп. 1. - Д. 102. - Л. 15]. Это соответствовало индифферентному отношению немецкого населения к советскому официозу в целом. Весьма показательна статистика явки населения разных национальностей Мозырского округа на выборы местных советов в 1930 г. (в % от общего количества населения данной национальности): русские – 91,7 %, белорусы – 60,4 %, евреи – 61,3 %, поляки – 54,8 %, украинцы – 56,7 %, латыши – 100 %, немцы – 46,9 % [7, Ф. 60. - Оп.1. - Д. 717. - Л. 38].

В государственной национальной политике 1920-х гг. и в ее составной части – «белорусизации», и в политике в отношении национальных меньшинств большое внимание уделялось формированию кадров руководящих работников разных национальностей. Тем не менее, в сфере руководства часто наблюдалась картина значительного количественного преобладания работников и служащих – евреев.

В документе под названием «Сведения о национальном составе советского аппарата, обслуживающего население Наровлянского района» (1927 г.) из 379 служащих было 263 белоруса, 66 евреев, 21 поляк, 6 русских, 10 немцев, 11 украинцев и 2 человека «других» национальностей. При этом служащие-немцы в основном были представлены работниками немецкого сельсовета (4 чел.) и местного сельскохозяйственного кооперативного общества (3 чел.). Характерны пометы председателя местного райисполкома рядом с цифрами количества евреев-служащих ряда учреждений и организаций: Наровлянское потребительское общество (12 евреев из 17 служащих) – «нездорово», Наровлянское сельскохозяйственное кооперативное общество (11 из 14) – «безобразно», культурнопросветительские учреждения (3 из 6) – «много» [1, Ф. 4286. - Оп. 1а. Д. 263. - Л. 48]. Не случайна соответствующая реакция и местных немцев. В этом же 1927 г. на собрании в Анзельмовском сельсовете по обсуждению очередных заготовок сельскохозяйственной продукции для сдачи государству, количество и объем которых возрастали и тяжелым бременем ложились на крестьянские хозяйства, были высказывания: «Советская власть нас душит, грабит ... послала к нам евреев и коммунистов и мы должны их здесь кормить своим потом» [8, Д. 17070-с].

Усиливалась этническая персонификация конкретных социально-экономических неурядиц. Неудовлетворительная работа потребительской кооперации в районе, недостаточное обеспечение разно-национального населения необходимыми товарами вызвали реакции типа: «Жида пользуются кооперацией, лучший товар попадает местечку» (1928 г.). Мы не исключаем подобных настроений и в немецкой среде. В марте 1930 г. работник ЦИК БССР, инспектировавший немецкие сельсоветы Мозырского округа, отмечал, что в Роза Люксембургском сельсовете «на каждом собрании раздаются нарекания на отсутствие товаров и высказывается мнение, что раньше было лучше, так как у еврейторговца в Житомире можно было достать товаров хоть на 2 млн. рублей (до войны [первой мировой. – В.П.] эти немцы жили в Житомирской губ. [уезде. – В.П.]» [1, Ф. 4286. - Оп. 1а. - Д. 61а. - Л. 43; 7, Ф. 60. - Оп. 1. - Д. 723. - Л. 15]. Приведенные примеры также иллюстрируют социализацию образа одного этноса в среде другого в силу менявшихся социальных обстоятельств.

Адаптируясь в целом к советскому политическому режиму, немцы по большому счету с апатией и безразличием относились ко всему, не связанному с их семейным

благополучием, с жизнью религиозных общин. В 20-е годы у власти не было оснований обвинять немцев в противостоянии режиму. Характерна официальная констатация в 1930 г.: «Вернее всего политическое состояние населения сельского совета [Роза Люксембургского. – В.П.] будет определено, если население назвать аполитичным». Различные органы власти, в том числе местное ОГПУ, отмечали в 1930 г., начале 1931 г. «весьма лояльное выполнение

124
всякого рода распоряжений и постановлений органов Советской власти, в особенности уплаты налогов. Как правило, немецкие колонии выплачивают налог задолго до срока, среди них не было обнаружено ни одной антисоветской группировки, ни одного враждебного выступления». «Разные кампании и задания Советской власти выполняются с немецкой аккуратностью» [7, Ф. 60. - Оп. 1. - Д. 723. - Л. 15; 2, Ф. 4. - Оп. 21. - Д. 249. - Л. 14; Ф. 701. - Оп. 1. - Д. 102. - Л. 20].

Однако усиление командного, насильственно-репрессивного стиля руководства нарушило диалог, складывавшийся между немцами и властью на основе устраивавших обе стороны экономических отношений. Росло латентное сопротивление немцев режиму. Основой экономической стабильности немцев в период Нэпа были молочные кооперативные общества, охватившие практически все немецкие хозяйства. Данная сфера производственной деятельности немецкого населения была уникальна. В 1929/30 г. молочная кооперация Ансельмовского сельсовета выработала 88,7% всего масла, произведенного в Ельском районе [2, Ф. 701. - Оп. 1. - Д. 109. - Л. 12об.]. А район насчитывал 14 сельсоветов. Педантичные и законопослушные немцы, которые, по заявлению властей, «привыкли точно выполнять всякого рода постановления, но в то же время требуют такого же точного выполнения обещаний со стороны органов власти», убедились, что власть нарушает равновесие взаимоотношений. В ряде официальных документов отмечалось, что «главным источником доходов для немцев-колонистов является обработка молочных продуктов, а не земледелие, вследствие чего немецкий крестьянин принужден покупать хлеб и другие ... продукты». При этом власть, «принуждая немцев продавать свои молочные изделия только в кооперацию», допускала сбои в снабжении немцев хлебом, другими продуктами питания, промтоварами, концентрированными кормами для коров, снижала цены за сдаваемое молоко. Естественно, что немецкое население было недоволено. Абсурдность ситуации признавалась даже органами ОГПУ: «Выходит, что сдавая в кооперацию все излишки своего молочного хозяйства по твердым ценам, немцы-колонисты должны покупать хлеб на частном рынке по спекулятивным ценам» [2, Ф. 4. - Оп. 21. - Д. 249. - Л. 9-10; Ф. 701. - Оп. 1. - Д. 102. - Л. 19; Д. 111. - Л. 9; 7, Ф. 60. - Оп. 1. - Д. 723. - Л. 10, 12, 50].

Чаша терпения была не бездонна у покладистых немцев. Как отмечала власть, с 1927 по 1931 г. молочная артель Роза Люксембургского сельсовета периодически прекращала свою работу. В 1930 г. немцы вновь сократили количество сдаваемой молочной продукции, а 16 июля 1930 г. прекратили сдачу молока. Эта «забастовка» (по определению властей) продолжалась несколько дней до нормализации (отметим, что временной) снабжения населения промтоварами. Протестные настроения нарастали. В 1931 г. в немецкой среде проводилась агитация за прекращение работы маслобойного завода: «Если крестьяне будут сдавать молоко, то на завод для работы пришлют еврея, который им и будет управлять и уничтожит крестьянское добро» [2, Ф. 701. - Оп. 1. - Д. 109. - Л. 12об.; 7, Ф. 60. - Оп. 1. - Д. 723. - Л. 50; 8, Д. 17070-с].

Во время голода 1933-1934 гг., охватившего и белорусское Полесье, местные немцы явились инициаторами обращения за помощью в зарубежные гуманитарные организации. По линии Торгсин присылались продуктовые посылки, деньги (в основном, немецкие марки). Наряду с расширением территории движение приняло интернациональный характер. Кроме немецкого населения в нем участвовали местные белорусы, украинцы, поляки, чехи. Пресекая эту «антисоветскую» акцию, власть проводила аресты, выносились карательные

приговоры [9; 10]. В этой обстановке весьма характерным выглядит вопрос, заданный немцами представителю районного руководства на собрании в Березовском сельсовете 8 октября 1934 г.: «Почему евреи получают американские доллары [традиционная помощь изза границы. – В.П.] и на них не сердятся, а на немцев за марки кричат» [1, Ф. 4286. - Оп. 2а. - Д. 37. - Л. 595].

Серьезным препятствием в практике советизации немецкого населения являлся языковой барьер. Значительная часть сельских немцев не знала русского и белорусского

языков. Вместе с тем катастрофически не хватало партийно-советских работников, владеющих немецким языком. Не случайно Мозырский окружной отдел ОГПУ отмечал в 1930 г., что в немецких колониях «за все время революции не было ни одного доклада на немецком языке о Советской власти» [2, Ф. 4. - Оп. - 21. - Д. 249. - Л. 13].

Не оправдывались надежды власти, связанные с советской культурно-просветительской работой местных хат-читален. Проверяющий из Минска докладывал в 1930 г., что в Роза Люксембургском сельсовете «сам хатник [заведующий хатой-читальней. – В.П.] –еврей, мало знает немецкий язык, в результате чего крестьяне-немцы почти что совсем не посещают хату-читальню». Не менялась ситуация и в последующие годы. По свидетельству власти на апрель 1934 г., «на днях прибыли в Наровлянский район 5 избачей, но среди них нет ни одного немца, а только евреи и белорусы». В июне этого же года Полномочный представитель ОГПУ БССР Заковский докладывал в ЦК КП(б)Б о невыполнении решения партийного руководства республики «об усилении немецких сельсоветов крепкими работниками партийцами и комсомольцами». «В Березовский сельсовет вместо немцев были присланы три еврея, которые работу нисколько не улучшили» [7, Ф. 60. - Оп. 1. - Д. 723. - Л. 26; 2, Ф. 4. - Оп. 21. - Д. 655. - Л. 21; Оп. 3. - Д. 168. - Л. 307].

В результате – заведующий хатой-читальней Березовского сельсовета Шляфер, по информации местного НКВД на декабрь 1934 г., местными немцами «игнорируется как еврей» [1, Ф. 4286. - Оп. 2а. - Д. 57. - Л. 7]. Остается только предполагать, какая составляющая - этничность, членство Шляфера в ВЛКСМ или недостаточное знание немецкого языка была доминирующей в данной оценке. Скорее всего – все вместе. В 1935 г. Шляфер ходатайствовал перед районным начальством о переводе его на педагогическую работу, желательно – в Биробиджан [1, Ф. 4286. - Оп. 2а. - Д. 95. - Л. 329-329об.].

В конце 20-х - 30-е гг. в условиях насильственной коллективизации, голода 1933-1934 гг., гонений на религию, многочисленных арестов усиливается отстраненность немецкого населения от окружающей жизни в ее официальных проявлениях. Немцы ушли во «внутреннюю эмиграцию», замкнулись в своем национально-религиозном социокультурном пространстве, в котором усиливается значение их родного языка. Неродные белорусский и русский языки все больше ассоциируются с коммуникационной функцией официального насилия. Вместе с тем, в обстановке нарастания тоталитаризма, немцы, как могли, отстаивали необходимость уважительного отношения к своей этничности. Уже в 1926 г. партийное руководство Ельского района оценило как «шовинистическую тенденцию» требование населения Анзельмовского сельсовета присылать докладчиков-немцев. В 1929 г. на собрании в этом сельсовете в адрес представителя районной избирательной комиссии прозвучала реплика: «Говори по-немецки». «Если коммунисты хотят быть в сельсовете, то пусть и говорят по-немецки» – заявление в сельсовете в 1932 г. Вынужденные вступать в колхозы под давлением голода и репрессий властей, немцы в 1934 г. требовали создания «самостоятельного национального колхоза». В этом же году на собрании в Березовском сельсовете немцы потребовали от «избача»-докладчика выступать на немецком языке, который, «в связи с незнанием такового делать доклад на немецком языке отказался». В страшном 1937 г. немцы Березовского сельсовета сорвали собрание («начали оставлять зал»), узнав, что местный «хатник», еврей Нодельман, будет говорить по-русски [8, Д. 17070-

с; 1, Ф. 3465. - Оп. 1а. - Д. 175. - Л. 54; Д. 195. - Л. 11; Оп. 2а. - Д. 304. - Л. 26; Ф. 69. - Оп. 4. - Д. 69. - Л. 39; 2, Ф. 4. - Оп. 21. - Д. 655. - Л. 21].

Национальное чувство обострялось, как ответная реакция на попытки из немцев этнических сделать немцев советских. В такой психологической атмосфере отмеченные «социальные пересечения» с властью в лице ее представителей еврейской национальности усиливали сформировавшийся социальный стереотип еврея в глазах местного сельского немца. В этом смысле весьма типичным выглядит показание свидетеля – в прошлом секретаря Роза Люксембургского сельсовета, немца по национальности на допросе в НКВД в 1936 г. при расследовании деятельности «контрреволюционной группы из немцев

126
единоличников – активных сектантов». По его словам, возглавлявший эту «группу»

Э.Лейске в 1935 г. высказывался: «Мы, немцы, страдаем потому, что власть захватили евреи» [8, Д. 17113-с].

Известные нам официальные документы позволяют констатировать наличие бытового антисемитизма в немецкой среде. Так, в 1930 г. учитель из Березовского сельсовета, «бывший австрийский пленный», подал в суд на человека, сказавшего ему: «Ты не немец, а австрийский жид». «Учитель-антисемит» отмечается в этом же сельсовете в 1931 г. Опять же учительница Березовской немецкой школы называла служащего местного сельпо Коробочку – «Проклятый жид» (1932 г.) [7, Ф. 60. - Оп. 1. - Д. 723. - Л. 13; 2, Ф. 701. - Оп. 1. - Д. 104. - Л.24; 1, Ф. 4286. - Оп. 1а. - Д. 161. - Л. 400].

Вместе с тем отметим следующее. В целом спектр отношений немцев к иноэтничному населению варьировался от дружелюбности до подчеркнутой холодности. Во многом это определялось памятью (обидой) о разорении местным населением их хозяйств после депортации 1915 г. Власть, столкнувшись со стойким неприятием немцами колхозов и вообще противостоянию советизации, формировала общественное мнение в направлении абсолютизации немецкой «замкнутости на национальной и религиозной почве», «напряженных взаимоотношениях» между немцами и остальным населением. Речь шла даже о «национальной ненависти» со стороны немцев, «развитом немецком шовинизме». В качестве доводов приводились эпитеты, даваемые немцами белорусским крестьянам, - «grauen» («серый»), «Wickelfußer» («лапотник», «мужик»), категорический отказ «коллективизироваться с белорусскими крестьянами». В 1931 г. об этом писалось в республиканской газете «Савецкая Беларусь»: «Немцы лічаць сябе многа вышэй за беларусаў, ніякай сувязі з беларусамі ня маюць». В 1935 г. бюро Ельского РК КП(б)Б отмечает «праявы нямецкага нацыяналізма» в Роза Люксембургском сельсовете: «Асабліва характэрны выкрыкі ў час пажара па адрасу беларусаў: Яны, «Швайны» [Schwein (свинья). – В.П.], выступаюць супроць нашых» [2, Ф. 4. - Оп. 21. - Д. 249. - Л. 9, 12; Ф. 701. - Оп. 1. - Д. 109. Л. 2; 11, 23 жніўня; 1, Ф. 3465. - Оп. 2а. - Д. 358. - Л. 64].

Мы не исключаем существовавших не совсем лестных характеристик, трений на бытовой почве, что представляется довольно универсальным явлением в национальносмешанной среде. Так, в 1929 г. председатель Березовского сельсовета, немец по национальности, информировал Национальную комиссию ЦИК БССР по специально присланной анкете: «Нямецкі шавінізм развіт». В качестве примера приводится частный случай, когда немцы заболотировали кандидата от чешского населения в местный Комитет крестьянской общественной взаимопомощи [2, Ф. 701. - Оп. 1. - Д. 92. - Л. 136].

Однако корректней признать отчужденность немцев к той части местного социума, которая являлась послушным исполнителем официальной политики, не одобряемой немцами, и, тем более, проводником этой политики. Насильственная коллективизация, гонения на религию немцами однозначно связывались со Злом. Поэтому, дело не в упоминаемых властью белорусских крестьянах, а в нежелании немецкого населения вообще «коллективизироваться», терять свободу. Те же немцы, негативно относясь к советской

немецкой школе из-за ее брутального атеизма, соответственно проецировали это отношение и на немцев-учителей. Выше упоминаемая бригада партийно-советских работников отмечала в октябре 1931 г., что положение присланных в Роза Люксембургский сельсовет «нямецкіх настаўнікаў цяжкае, у сувязі з тым, што іх як камсамольцаў немцы на стол не прымаюць [не представляют пропитание. – В.П.]» [2, Ф. 6. - Оп. 1. - Д. 2932. - Л. 55].

Местные же евреи, как правило, выглядели в глазах немцев знаковым выражением насильственной советизации. Аналогичный процесс проходил и в самой еврейской среде, где термин «евсеки» (члены еврейских секций партийного руководства различных уровней) олицетворялся с насилием над традиционной еврейской этнокультурой.

В целом местные евреи и немцы представляли собой на локальном уровне два этнических полюса одного социума в его болезненной трансформации. Социальный образ

еврея в немецкой среде был лишь частью разно векторного видения одного населения другим.

Источники и литература

1. Государственный архив общественных объединений Гомельской области.
2. Национальный архив Республики Беларусь.
3. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Том X. Белорусская Советская Социалистическая Республика. Отдел I. Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. - М.: ЦСУ Союза ССР, 1928.
4. Отчет-справочник Мозырского Окружного Исполнительного Комитета БССР. 1925. - Мозырь, 1925.
5. Государственный архив Гомельской области.
6. Пичуков В.П. Немецкое население БССР и коллективизация сельского хозяйства // Актуальные проблемы германской истории, политики, экономики, культуры. Мат. III междунар. научной конф. 12-14 окт. 2006 года. - Брест, 2007. - С. 75-80.
7. Зональный государственный архив в г. Мозыре.
8. Архив Управления КГБ Республики Беларусь по Гомельской области.
9. Пичуков В.П. К вопросу о политических репрессиях в БССР в 1930-е гг. в связи с немецкой благотворительной помощью // Германский и славянский миры: взаимовлияние, конфликты, диалог культур. Матер. междунар. научно-теорет. конф. - Витебск, 2001. - С. 103-105.
10. Пичуков В.П. Немецкое население Мозырского Полесья в условиях голода 1932-34 гг.: экологический и социальный аспекты // Гомельщина: Экологические проблемы региона и пути их решения. Мат. Гомельской обл. научно-практической конференции. - Гомель, 2004. - С. 79-84.
11. Савецкая Беларусь (Орган ЦВК і СНК БССР). –1931.

Viktar Pichukou. Social image of the Jew among BSSR rural Germans in the interwar period. In 1920-1930-ies most BSSR rural Germans concentrated in the Mozyr Polesye. The article highlights the factors shaping the social stereotype of the Jew in the eyes of local German farmer. Ethnic personification of specific violent actions of Soviet power in the German environment is accented.